

А. Е. Винцелер

СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД У ЛИПОВАН

Русское население Румынии, известное здесь под названием «липоване», представляет собой большей частью староверов, эмигрировавших на румынскую территорию более двух столетий назад.

Прожив более двухсот лет на чужбине, липоване не растворились в массе окружающего их населения. От допетровских времен и до настоящего времени они сохранили традиции и обряды, привезенные из родных мест. Об этом писали все исследователи и путешественники, отмечавшие чисто русские черты их каждодневного быта.

В. Г. Короленко, несколько раз побывавший в Румынии, оставил несколько тетрадей записных книжек о русских жителях Добруджи: «Дунай и Румыния», «Добруджа», «Румынские рассказы Пегра Михайловича» и «Дунай — Кыстырлез»¹.

А. И. Герцен сообщает интересные сведения о липованах-некрасовцах, подчеркивая, что именно религиозные убеждения помогли липованам остаться вплоть до недавнего времени в стороне от различных влияний: «...Раскол их выделит так строго, что никакое чужое влияние не переходило за их частокол»².

Епископ Мелькиседек, автор целой книги о русских раскольниках, в XVI главе этой книги с возмущением писал, что русские староверы не хотят воспринимать культуру, обычаи, язык Румынского государства, сохраняя все свое в неприкосновенной чистоте: «Липоване не желают посылать детей в румынские школы и учат их только русскому языку, строго храня русскую старину в одежде, в религии, в манере держать себя, хоззяничать...»³.

После победы народной власти в Румынии, принесшей освобождение всем народам, населяющим страну, меняется и жизнь липован: постепенно уходит в прошлое их крайняя замкнутость, обособленность, религиозные предрассудки, прежде очень прочные патриархальные устои в семье.

Раньше браки с представителями других национальностей у липован совершенно отсутствовали. Примером может служить статистическая выписка за 1938 г. о браках в городе Бранле, где из 515 браков приводится только один случай, когда липованка вышла замуж не за липованина⁴. Родители, навязывая свою волю детям, заставляли их заключать браки не по любви, а по своему желанию. Только теперь, в социалистической Румынии, молодежь стала нарушать порядки, «завещанные дедами и прадедами», соединяясь по взаимному влечению.

В старинной песне величального характера, записанной нами в липованском селе Каркалию (русское название «Камень» или «Каменка»), расположенном в районе Мэчин, есть строки, явно более позднего происхождения, которые свидетельствуют о нежелании молодежи подчиняться родительской воле:

... Вот не будить-то по батькиному,
Вот не будить-то по маткиному,
Вот не будить-то по роду по яво,
Мне пондравилась похоточка яво...
(декабрь 1964 г.).

Свадебный обряд липован представляет большой культурный, исторический и этнографический интерес. Но до сих пор о нем написано очень мало. Только некоторые моменты свадебного обряда отмечает румынский писатель Михаил Садовяну в своих очерках о липованах Добруджи⁵.

¹ Эти тетради в настоящее время хранятся в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина.

² А. И. Герцен, Былое и думы, ч. седьмая — «Русские тени», гл. LXV, Л., 1947, стр. 738.

³ Ep. Melchisedek, Lipovenismul adică schismaticii sau răscolnicii și ereticii rusești, București, 1871, стр. 167.

⁴ «Mișcarea populației României», București, 1938.

⁵ Речь идет о семи очерках: «В селе Сары-Кей», «На Разиме», «Липоване», «Опять липоване», «Те же липоване», «Отель в дельте», «Рыбный склад». См. M. S a d o v e a n u, Opere, t. 6, București, 1957, p. 7—52.

Можно сослаться на румынского фольклориста Михаила Маринеску, который в своей статье о лирических песнях липован⁶ дает некоторые сведения и о свадебном обряде.

Но на основании нескольких моментов нельзя составить представление о полном свадебном обряде, о том, как он «играется» у русского населения Румынии с начала и до конца. Между тем под влиянием новых условий жизни липованский свадебный обряд начинает трансформироваться и даже терять некоторые звенья, которые всего несколько лет назад составляли прочное целое.



Рис. 1. Старые рыбаки

В данной статье мы постараемся последовательно, как это происходит в липованских селах, показать развертывание современного свадебного обряда, с некоторыми ссылками, когда это необходимо, на старинный свадебный обряд.

Современный обряд липованской свадьбы был записан нами от Анны Григорьевны Балан (1930 г. рождения) и ее дочери Натальи Афанасьевны Балан (1948 г. рождения), проживающих в селе Каркалу и никогда не выезжавших за пределы родного села, а также от Изота Патрикеевича Анисимова (1932 г. рождения) и его жены Полины Алексеевны Анисимовой (1933 г. рождения), жителей села Сары-Кей.

Старинный обряд был рассказан сестрами Акулиной Алексеевзой Патрикеевой (1907 г. рождения) и Агриппиной Алексеевной Козловой (1912 г. рождения), которые живут в селе 2-е Мая.

Прежде чем перейти к описанию свадебного липованского обряда, следует, хотя бы коротко, рассказать о трех селах, где были записаны свадебный обряд и сопровождающий его фольклор.

Село Каркалуу находится в нескольких километрах от дунайского города Мэчин. По свидетельству местных жителей, село было построено первыми русскими староверами, появившимися на Дунае. Точная дата возникновения села нам неизвестна. Можно лишь указать, что в таблице П. Панантеску⁷, показывающей русское население Добруджи в 1849 г., называется и село «Каменка» в области Мэчин, в котором к этому времени было 30 домов. Село, расположенное на высокой каменной гряде, прежде с трех сторон омывалось водой, с четвертой было множество болот и озер, оставшихся после весеннего разлива Дуная. Все мужское население села занималось рыболовством. Теперь построена плотина, преграждающая весеннему Дунаю путь к разливу. Мужчины стали работать землекопами, строителями шоссе в Мэчине, а в зимнее время их можно найти на стройках по всей стране. В селе создано богатое кооперативное хозяйство, где работают главным образом женщины.

Село 2-е Мая (по-румынски Doi Mai) расположено на берегу моря в нескольких километрах от Мангалии. Липоване переселились сюда в 1916 г., 2 мая (отсюда и название села). Большинство из них были жителями Сары-Кей и Журиловки, но голод заставил малоземельных крестьян покинуть насиженные места. До 1916 г. здесь жили 25 скопцов (предполагается, что эти сектанты пришли сюда в войну 1877 г.), которые работали на местного «чакоя» («чакой» — румынское слово от ciocol — помещик). Прибывшие сюда липоване также стали работать на помещика: мужчины ловили в море рыбу, а женщины обрабатывали землю. В настоящее время в селе 2-е Мая создан крупный кооператив, снабжающий птицей, овощами и виноградом черноморские курорты Румынии, а из рыбаков создана рыбацкая артель, оснащенная современной техникой.

Липоване, поселявшиеся в Добрудже, больше всего сосредотачивались в устье Дуная, где с середины XVIII в. отмечаются три русских села — Большие Дунавцы, Сары-Кей и Журиловка.

⁶ М. Маринеску, Лирическая песня русского (липованского) населения, проживающего на территории Румынской Народной Республики (См. в «Culegere de studii, Inst. Maxim Gorki», București, 1962, стр. 183—207).

⁷ Р. Р. Panaitescu, O statistică a Dobrogei din 1849, «Graiul romînesc», 1928 (II), стр. 8.

По свидетельству путешественника Босковича, в 1761—1762 гг. побывавшего в Сары-Кей, здесь жили «липоване в количестве 150 домов»⁸. Так что село Сары-Кей можно считать одним из самых древних русских сел на территории Румынии. Это село расположено на берегу озера Разелм. Поэтому наряду с сельским хозяйством жители Сары-Кей широко занимаются рыболовством. Здесь же находится и крупный рыбосдаточный пункт.

Переходя к описанию липованской свадьбы, необходимо указать, что она повсеместно играется одинаково. Несмотря на то, что русские села расположены нередко очень далеко друг от друга, можно говорить только о некотором различии между современным и старинным оформлением свадебного обряда. Последнее в одних селах утрачивается быстрее (например, в селе 2-е Мая, куда ежегодно приезжает масса курортников и иностранных туристов), в других несколько медленнее.

Свадебный обряд у липован можно рассматривать как один из вариантов великорусского свадебного обряда южного типа. Как и в старом великорусском свадебном обряде, в липованской свадьбе можно выделить три основных этапа: 1) предсвадебный; 2) собственно свадьба и 3) послесвадебный. Каждый из этих этапов сопровождается определенными обрядами, свадебными плачами и песнями.

Свадьба устраивается большей частью в осеннюю пору — «на последе» (октябрь — ноябрь), когда собран урожай пшеницы, есть молодое вино, и реже весной, но только в мясод, так как в пост свадьбы запрещены.

В Советском Союзе обряд венчания почти повсеместно ушел в прошлое (за исключением тех редких случаев, когда на молодежь оказывают влияние консервативно настроенные представители старого поколения). У липован также не все свадьбы начинаются с венчания, но это связано с религиозными убеждениями, с тем, к какой секте принадлежит липованин — к поповцам или к беспоповцам. У поповцев ни одна свадьба не минует этого обязательного, по их мнению, момента свадебного обряда, без которого свадьба вообще считается недействительной. У беспоповцев этот обряд заменяется несколько другим. В субботу вечером девушку одевают в церковный наряд и ведут к жениху. В доме жениха молодых «сводят». Этот религиозный обряд заключается в том, что родители невесты и жениха вместе с дьяком надевают на невесту кичку, что свидетельствует о ее переходе в замужние женщины, затем торжественно благословляют и долго читают над молодыми молитвы. Собственно свадьба играется у беспоповцев в воскресенье, в то время как у поповцев в воскресенье после обедни происходит венчание молодых. Затем невеста и у поповцев, и у беспоповцев меняет тот наряд, в котором она была в церкви, на белое платье, и в дальнейшем свадьба у поповцев и беспоповцев ничем не различается.

Начинается свадьба со сватовства. Раньше этот обряд происходил между родителями, без согласия и даже часто без ведома жениха и невесты. Липоване называют это «отдавать зором».

Ввиду того, что браки заключались только между самими липованами, жители многих сел становились близкими родственниками. Существовала старинная традиция, по которой родители жениха отправлялись искать невесту в очень отдаленные места, а девушка нередко подолгу ожидала замужества. Иногда, так и не дождавшись, девушка уходила в монастырь или вынуждена была выйти замуж за старика. Такой исход, естественно, вызывал протест. Липованский фольклор сохранил и донес до нас подобные ситуации. В одной из песен поется, что в таких случаях девушка предпочитает венцу смерть:

...Чем с постылым под венцом стояти (2),
Лучше в мори, в мори спотопати (2),
(Каркалиу, декабрь 1965 г.)

По рассказам липован, а также по фольклорным произведениям восстанавливаются факты женитбы маленького мальчика на «засидевшейся», «в летах» невесте, что также было порождением диких домостроевских обычаев. В песне «Подул ветер, ветерочек», обнаруженной нами в Браиле и в селе Каркалиу, говорится о том, что Ванюшу

...Матерь больно била,
Малолетнева женила (2),
Жана ды очень не взлюбила,
Со кроватушки спихнула (2),
Ды ручку, ды ноженьку свихнула (2)...
(запись 1965 г.)

Песня заканчивается жалобами Ванюши собравшимся ребятам о том, как трудно, когда «нада бабушку ды любити».

⁸ J. Boscowich, «Voyage de Constantinople en Roloque», p. 161; цит. по: A. Arboe, Așezările Lipovenilor și Rusilor din Dobrogea, «Arhiva Dobrogei», т. III, № 1, 1920, p. 2.

Теперь все чаще и чаще парень сам идет к родителям невесты просить у них разрешения на брак. О свадьбе договариваются не только родители, но и парень с любимой девушкой на поселковых гуляньях, во время которых молодежь пляшет под гармонь, водит хороводы («карагоды») и поет.

В воскресенье или в ближайший праздничный день парень идет в дом родителей своей избранницы. Осенив себя на крыльце двухперстным крестом, он стучит («чочкаить») в дверь и спрашивает: «Можно зайти?». Мать и отец невесты обычно заранее уведомлены о его приходе. Если они отвечают ему: «Заходи», то он входит. Прежде чем поздороваться, вошедший молится на образа, висящие в углу у двери.

Кончив молиться и поздоровавшись, парень интересуется — все ли в семье живы и здоровы. «Слава богу», — сдержанно отвечают ему и предлагают сесть.

Поговорив из приличия о хозяйстве, о ловле рыбы, о деревенских новостях, парень сообщает: «Я хочу засватать Вашу дочь, уважаемые Афанасий Васильевич и Анна Григорьевна, согласны Вы или не согласны?».

Теперь чаще всего родители отвечают: «Если наша дочь Наталья Афанасьевна согласная, мы не мешаемся». Они вызывают дочь и спрашивают у нее: «Идешь за яво?», а у него: «Бряешь?» Получив утвердительный ответ молодых, родители предлагают парню вернуться домой и сообщить обо всем родителям: «Иди и привяди своего батку и матку, може они не согласные». Теперь такая фраза произносится чаще только по традиции, чтобы сохранить видимость родительской власти. В следующее воскресенье приходят родители парня. Совсем недавно, если они не приходили, значит не желали принимать девушку в свою семью, и свадьба обычно расстраивалась.

Между собравшимися родителями происходит серьезный разговор. До сих пор в липованских семьях большое значение придается приданому невесты. Вокруг него иногда разворачиваются крупные споры обеих сторон. Если договор удовлетворит собравшихся, то тогда к будущей невесте засылаются свагты. У липован иногда сватов заменяют сами отец и мать.

Во время сватовства жених и невеста находятся в другой комнате («в другой хате»), там же вместе с ними — две самые близкие подруги невесты. Затем молодых вызывают в «первую хату» и спрашивают их окончательное решение — «будут они браться» или «кидаться». Дело в том, что до сих пор жених имеет право посвататься сразу к двум или трем девушкам, и поэтому необходимо окончательно договориться, чтобы затем не слушать всяких советов — «наговоро́в».

Затем родители жениха и невесты решают, когда будет «играться» свадьба и вместе угощаются, пьют, поют песни, веселятся. Этот обряд называется «давание слова» или «запивание невесты». После него расторжение договора считается позорным для обеих сторон.

Раньше, если свадьба устраивалась осенью, все лето, почти каждое воскресенье молодежь веселилась на посиделках, которые устраивались в доме невесты. По традиции, засватанная девушка не имеет права участвовать в гуляньях и хороводах, происходящих на селе. Она обязана сидеть дома и заниматься подготовкой приданого. Эта традиция выражена в одной из девичьих песен:

...Как на горке скрипочка игрантъ,
А мене молоду на улицу не пуцають.
(Каркалуу, дек. 1965 г.)

Единственной радостью, таким образом, для невесты были посиделки. Но и здесь она не могла веселиться так же беззаботно, как ее подруги. В то время как парни и девушки пляшут («скачуть») польку, малагамбу, сырбу, хору (под гармонь или губную гармошку), играют в разные игры («тянуть ниточку», «отыскивание платочка» с поцелуями), жених и невеста сидят отдельно от всех на кровати и «не гуляют», т. е. не принимают участия в общем веселье, а беседуют друг с другом. Эти беседы были важны особенно в старой свадьбе, когда невеста и жених не были знакомы друг с другом. В наше время жених и невеста также изредка «скачуть» вместе.

Ввиду того, что теперь жених целое лето занят на работе, уезжая иногда очень далеко от дома, посиделки стали устраиваться за неделю-две до свадьбы, когда прибывает домой и жених. До прихода молодежи невеста с подругами готовят приданое, вышивают, вяжут кружево на свадебные платочки, делают бумажные цветы. Все это сопровождается грустными песнями о расставании с «вольной волошкой», о трудностях и бедах, которые ждут молодую женщину в семье мужа. Они ярко передают патриархальный уклад липованской семьи, где злые «свекор-батюшка» и «свекруха-матушка» издеваются над невесткой, взваливая на нее самую тяжелую и грязную работу, а «ревнивый» муж никуда не выпускает жену и избивает ее до полусмерти.

Теперь, помимо старых песен, подруги невесты исполняют новые песни, характеризующие новые отношения прежде всего между мужем и женой.

Так, в записанной нами песне «И хто там у хати гомонить», на вопросы отца, обращенные к сыну, почему он «воточку» не пьет и «женочку» не бьет, последний отвечает:

Ай на што мне вотку пить (3),
 Ай на што мне жинку бить,
 Она знать, что сварить (3)
 И с людьми говорить.
 (Браила, декабрь 1965 г.)

Перед свадьбой, обычно в пятницу вечером, происходит обряд «пропивания» невесты: Часто одновременно с «пропиваньем» в доме невесты устраивается девшишник: в одной комнате «пропивают» невесту, а в другой развлекаются девушки и пришедшие сюда парни.

На «пропиванье» приглашаются только близкие родственники жениха и невесты. Собравшиеся торжественно молятся перед образами, а затем с сохранением всех традиционных обычаев «пропивают» невесту. Обряд пропивания является очень старым,



Рис. 2. Девушки в церковном наряде

его цель — подчеркнуть полный отрыв девушки от родной семьи, ее уход к «чужим людям». Вот почему во время этого обряда исполняются песни, в которых невеста просит родителей не гордиться со свадьбой, дать ей возможность побыть на воле, не пропивать ее молодости «над красным вином».

Сохранение обряда пропиванья в современной липованской свадьбе свидетельствует о том, что еще совсем недавно женщина липованка была совершенно бесправной. Власть домохозяйки и строжайшие религиозные каноны ставили ее в положение безответной рабыни.

Во время пропиванья происходит акт окончательного закрепления власти мужчины — будущего мужа над женщиной. Невесту и жениха ставят на пороге дома, заставляя сплести правые руки, все родственники кладут свои руки сверху и крестный невесты должен разбить, «разрубить» их.

После этого все гости садятся за стол. «Молодая» подходит к своему суженому с подносом (по-липовански «разнос»), на котором стоит стакан вина и просит его принять вино. Жених спрашивает, от кого это вино и кому. «От Натальи Афанасьевны. Изволь испить, Иван Иванович», — говорит невеста. Жених пьет вино, молодая дает ему затем «шалыку», которой тот вытирается и прячет, а невесте кладет на поднос деньги. «Молодая» благодарит жениха и, взяв за уши, целует. Все сидящие за столом подхватывают следующие строчки: «Не стыдно тебе, чужого детища целовать?» Вероятно, это была целая песня, от которой сохранилась только одна фраза.

На другой день после обеды празднично одетые девушки направляются к дому «молодой». Они несут в двух «косинках» («косинка» — платочек, срезанный углом) пряники, орехи, изюм, конфеты, купленные женихом. Из одного платочка все выкладывается в тарелку на стол, а другой невеста прячет за подушку. Девушки «играют» «девишенские» песни. В основном это песни величальные, в которых восхваляются жених и невеста, их красота, их характеры.

Невеста, стоя возле кровати, достает из-за подушки сладости и угощает ими вновь пришедших подруг, а на столе угощение остается нетронутым. Наконец появляется жених с двумя товарищами, которые несут чайник вина. Товарищи проходят вперед, чтобы предупредить о приходе «молодого», а он останавливается у «форки» (калитки). Девушки подхватывают песню «За селом солнце играет». В ней говорится о том, как Ивай седлает коня и с дружиной в сорок человек отправляется за невестой:

Я пущу стрелу по сылу,
Разобью стяну камену,
Возьму Наталью с собою,
Назову ее своею.

(Каркалиу, декабрь 1964 г.)

Можно предположить, что эта песня сохраняет воспоминание о древнем славянском обряде умыкания.

Невеста выходит встречать своего суженого. Она помогает ему раздеться, уносит одежду, и жених усаживается на кровать. Его друзья присоединяются к девушкам, угощают их вином. Но всегда первыми пьют жених и невеста, а потом остальные.

Часа в два устраивается перерыв на обед. После обеда девушки вновь собираются в доме невесты, и она начинает одаривать всех подруг подарками, раздавая свои девичьи ленты и платочки. Особо награждаются две самые ее близкие подруги, которые присутствовали в доме и во время сватовства. Им еще дается какая-нибудь ткань.

Затем молодая ослается одна, а девушки во главе с двумя подругами направляются в дом жениха, где протекает последний мальчишник. Ворота дома широко распахнуты, во дворе стоит стол со всякими сладостями и вином. Приблизившись к дому, девушки исполняют величальную песню в честь жениха.

Навстречу девушкам выходит жених, под гармонь все начинают плясать, причем жених «скачить» только с подругами невесты. Затем жених превозмывает двух подруг платочками, и они возвращаются в дом молодой. Невеста приглашает подруг в дом и под пение песни «Ты сустрень моя маменька» входит в комнату.

Ты сустрень моя маменька,
Ты сустрень моя родная,
Со гостями ты со боярами (2),
Все с сестрицами-подружками,
Последний раз я замуж иду,
Последний раз я подружек вяду.

(2-е Мая, июль 1965 г.)

Их встречает мать невесты, приглашает всех за стол. Невеста располагается «у куту» (в углу) со спущенным низко на лоб платком — черной шалью с розами, в обычном платье, что означает, что невеста опечалена, она ждет прихода сватов, которые будут ее «выкуплять».

К этому времени в доме невесты собирается молодежь со всего села. Они пляшут, веселятся. Только подруги, окружающие невесту, поют печальные песни. В доме готовится последняя «вечера», которую дают родители невесты. Они по всему селу ходят с приглашением на свадьбу. Когда все готово, посылают посыльных за сватами. К двенадцати часам ночи идут сваты, ведя под руки жениха, их окружает толпа родственников жениха и невесты. Они находят ворота дома крепко запертыми. Ворота открываются только тогда, когда сваты платят выкуп. Встречая сватов, девушки поют шуточные песни об их жадности, об их стремлении все видеть, все знать, что происходит в доме невесты.

При входе сватов с женихом все участники свадьбы стоят на ногах, за исключением невесты, сидящей в углу, которая начинает с двумя подругами голосить еще громче. Сват ведет жениха в угол, где сидит невеста, и сажает их рядом. Это называется «вести под молодую».

Затем происходит обряд купли-продажи невесты, или, как говорят липоване, «торги». Во время торгов, по традиции, родные жениха и невесты делятся на два лагеря, враждующие между собой. Сват спрашивает, сколько стоит невеста. Ее родные начинают хвалить невесту, говоря, что она «красавица», «бравенькая», а родные жениха кричать в ответ, что молодая — «уродка», «гадкая». Торгуются обычно до трех раз: вначале сестра или младший брат, потом подруга (их сажает рядом с молодыми с тарелкой в руках). Девушки «срамят» сватов за скупость, дразнят их:

Скупые бояре по свете ходили (2),

Черепки собирали, девок одаряли.

(2-е Мая, июль 1965 г.)

Сват бросает им деньги.

Когда торгуются сестра или брат, родные молодой обращаются к нему со словами песни:

Торгуйся, сестра (брат) (2),

Бяри за сестру 100 рублей,

А за русую косу

Бяри тысячу.

(2-е Мая, июль 1965 г.)

Такое же обращение следует и к подруге.

Когда же продажа все-таки завершается, девушки поют, обращаясь к подруге невесты:

Подруга — татарка (2),

Подругу протатарила,

За стакан горелки (2),

Подругу продала (2).

(Каркалиу, 2-е Мая, 1965 г.)

После продажи невесты выпивается «магарыч» (5 литров вина). Всех подруг невесты, которые «играли» песни, сват награждает деньгами. Девушки выходят из-за стола, благодарят за награду, кланяются невесте и целуются.

Сват выводит из угла жениха и невесту и ставит их в ряд. Девушки поют величальные песни. Затем жених и невеста кланяются родным и особенно родителям невесты.

Мать невесты говорит: «Дай бог вам, в час добрый». Затем вначале сажает за стол жениха с невестой, за ними сватов, родных жениха и всех остальных. Торжественно проходит «вечера» — родители невесты угощают в этот вечер всех участников свадьбы.

Когда кончается «вечера», все пляшут под гармонь, веселятся. В эту ночь жених ночует в доме невесты. После веселья, часа в четыре утра, и сваты, и подруги невесты, и товарищи молодого ложатся спать все вместе. Этот момент свадебного обряда у липован можно рассматривать как вероятный пережиток группового брака, существовавшего у славян в глубокой древности.

Раньше всех утром поднимается мать невесты и заставляет ее подруг нести постель в дом жениха. Топится баня. Невеста тоже рано, на заре, в сопровождении двух подруг отправляется мыться, а остальные девушки поют прощальные песни. Среди них есть песня «Матерь банечку топила», в которой говорится о том, что мать желает побыстрее избавиться от дочери, и все поют при возвращении невесты из бани. Она сопровождается плачем матери и дочери. Интересна и песня «Как жила-была я у родного тятеньки», где есть диалог между дочерью и матерью, из которого можно узнать, что дочь, будто бы побывавшая в доме суженого, в образе кукушки приле-



Рис. 3. Исполнительницы «девищенских» песен

тает к матери в сад. Мать просит дочь вернуться в родной дом, на что дочь ей отвечает, что вернуться она не может, так как потеряла «русу ю косу с алой лентою». Этот момент свадебного обряда передает прощание с девичеством, с прежней свободой. Он также сопровождается плачем подруг, голосит невеста, голосит мать.

В такой печальной обстановке протекает приготовление невесты к венцу. Девушки под пение традиционных печальных песен одевают невесту. Под венец девушка шла в наряде, в котором обычно ходили в церковь — «церковной одежке», как называют ее липоване, — широкая «шубка» (юбка) с лентами, нашитыми по подолу, нарядная пестрая блуза, на которую надевается «куцавейка».



Рис. 4. Жених и невеста, отправляющиеся на третий день свадьбы за «перезвой». Село Сары-Кей, сентябрь 1966 г.

Особенно большое значение придавалось головному убору. Сначала надевалась «кичка», сверху завязывался «косяк» (треугольник из яркой ткани), затем «сборник» из шелка и бисера (в некоторых местах сборник называется «чипчик»), а поверх всего накидывалась большая шаль с бахромой и яркими цветами (узорами).

Этот обряд «покрывания» головы невесты означал переход девушки в замужние женщины. В то время как липованская девушка имела право ходить с непокрытой головой, женщина, вышедшая замуж, теряла это право. Показаться перед посторонними с непокрытой головой для женщины-липованки считалось позорным. В летнее время шаль можно было снимать, но в сборнике липованка должна была ходить всю жизнь, в нем ее и хоронили.

О роли, которую играл обряд покрывания у липован, можно судить по одной из «девиценок» песен:

Гуляй, гуляй, девица,
Пока волошка дана,
Непокрытая голова,
Спокроют головушку,
Снимут с девки волошку⁹.

До замужества липованская девушка носила, как это было и у великорусов, одну косу. Собирая невесту к венцу, девушки под песни и плач невесты и матери, заплетают волосы в две косы. В песнях выступает образ «немилостивой свашеньки», которая «щиплет» и «вырывает» «русу ю косыньку» невесты, разделяя ее на «две стороны» и двумя косами обкручивая ей голову.

Под величальные песни приезжает к дому невесты жених. Мать и отец невесты снимают со стены икону, благословляя жениха и невесту. При прощании мать и дочь, причитая, горько плачут. В сопровождении односельчан и родных, возглавляемые попом, жених с невестой неторопливо, через все село, идут в церковь.

После венчания молодые опять самым дальним путем идут в дом жениха. Их встречают родные молодого, во главе со свекром и свекровью. При входе молодых,

⁹ М. Маринеску, Указ. раб., стр. 187.

на пороге дома, на них сыплют пшеницу, что должно дать им богатство и много детей.

После венчания молодая переодевается в белое платье и свадебное пиршество идет своим чередом. Во время свадебного пира гости величают молодых, желая им всякого добра, много шутят по адресу сватов, поют ирические песни самого различного характера: величальные, семейные, печальные, юмористические и эротические.

Большое внимание уделяется обряду «одаривания» молодых для укрепления их хозяйства. Сваты водят молодых, подводя по очереди вначале к родителям, затем к родственникам и другим гостям с вопросом, что они «мають давать». Каждый из присутствующих на свадьбе дарит что-либо: ткани, рубахи, юбки, вешают молодым через плечо окороча, связки лука, колбасы, отдельно дают пшеницу, посуду, мелкий домашний скот и птицу.

Прежде и невеста дарила свекру и свекрови, родственникам мужа, сделанные ее рукой вещи, теперь это не делается.

После двенадцати часов ночи гуляющие на свадьбе провожают молодых спать. Под песню «Кручарочек, золотой мой мужечек» молодая разувает мужа. Этот обряд также свидетельствует об униженном положении женщины, которая всю свою жизнь должна будет прислуживать мужу:

И одну ножку разула,
Свет-Иваном назвала,
А й другую разула
Иванычем назвала...

(Браила, 2-е Мая 1964 г.)

Правда, обряд разувания мужа встречается все реже и реже, и в ближайшее время, вероятно, исчезнет совершенно.

На свадьбе «гуляют» только женатые люди, а девушки принимают в ней участие только до обряда венчания.

Стойко держится у липован обряд «битья посуды» на счастье молодым. Особенно бьют посуду тогда, когда узнают, что молодая была честная. Тогда сваха благодарит родителей невесты, пьет стакан вина и разбивает его, за ней повторяют этот жест многие гости. Разрешается бить все, что найдено во дворе. Поэтому чаще всего все хорошее заранее убирается, напоказ выставляются старые бутылки и горшки, а также тыквы, которые можно разбивать беспрепятственно.

После брачной ночи, рано утром молодая должна сходить за водой к колодцу и принести на коромысле два полных ведра, а также подмести полы в хате. Этот акт демонстрирует трудолюбие молодой, а также ее покорность свекру и свекрови.

После обеда молодые или на лошадях, или пешком сзывают опять гостей повеселиться. Это называется «ходить за перезвой», («перезва» или «пиразва» — свадьба, «весь мир»). Когда собирается много приглашенных, они с шутками и песнями идут через все село за родителями невесты. Отец и мать невесты, взяв с собой заранее напеченные калачи, идут вместе со всеми продолжать свадебный пир.

На этом заканчивается собственно свадьба, после чего имеет место самый короткий этап свадебного обряда — послесвадебный. В этот период, в основном, молодые ходят в гости ко всем родственникам жены и мужа.

* * *

Свадебный обряд липованского населения, изложенный нами, дает возможность сделать вывод о тесных связях этого обряда с великорусским свадебным обрядом южного типа. Претки липован, жившие когда-то на Дону и Кубани, собираясь там из разных мест России, унесли в эмиграцию и сохранили до наших дней, лишь несколько изменив, древнейшую народную драму о судьбе женщины в большой патриархальной семье.